

О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедю.

Замѣтки Н. Я. Данилевскаго и К. Я. Грота.

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ славистовъ, К. Я. Гротъ, обширный и замѣчательный трудъ котораго „Извѣстiя Константина Багрянороднаго о Сербяхъ и Хорватахъ и ихъ расселенiи на Балканскомъ полуостровѣ“ помѣщенъ въ IX-мъ томѣ Записокъ Импер. Р. Г. Общества по отдѣленiю этнографiи, сообщилъ намъ выдержки изъ письма, полученнаго имъ отъ д. чл. Географическаго Общества Н. Я. Данилевскаго и содержащаго въ себѣ нѣкоторые замѣчанiя на послѣднiй ученый трудъ К. Я. Грота: „Моравiя и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка“ (С.-ПБ. 1881).

Въ этомъ изслѣдованiи отведено весьма много мѣста вопросамъ историко-этнографическимъ и историко-географическимъ: во первыхъ, автору пришлось коснуться разнообразныхъ этническихъ переворотовъ, происходившихъ въ области средняго Дуная, въ особенности начиная съ появленiя тамъ Славянъ (V вѣкъ по Р. Х.), и завершившихся, въ исходѣ IX вѣка, поселенiемъ, въ той же мѣстности, Мадьярской орды; во вторыхъ же, г. Гротъ подвергъ пересмотру вопросъ о національности самихъ Мадьяръ и объ ихъ первоначальной родинѣ, а затѣмъ представилъ очеркъ ихъ переселенiя отсюда и окончательнаго водворенiя на мѣстѣ нынѣшняго ихъ жителства на среднемъ Дунаѣ. Касательно народности Мадьяръ г. Гротъ присоединяется къ общепризнанному нынѣ въ наукѣ мнѣнiю, что Мадьяры принадлежатъ къ Финскому племени, или говоря точнѣе, къ восточной его отрасли; что же касается древнѣйшихъ, исторически извѣстныхъ жилищъ Мадьяръ, то г. Гротъ полагаетъ, что ихъ слѣдуетъ искать по обѣимъ сторонамъ сѣвер-

наго Уральскаго хребта. Далѣе изъ изслѣдованій г. Грота видно, что переходъ Мадьяръ изъ области сѣвернаго Урала въ область Дуная и Тиссы совершился въ теченіе IX в. не сразу, не въ одинъ пріемъ, а постепенно. Исслѣдователь справедливо замѣчаетъ, что вопросы о томъ, какими путями они передвигались, гдѣ останавливались на болѣе продолжительный срокъ, сколько времени употребили на это странствованіе и какими событіями, встрѣчами и столкновеніями оно ознаменовалось, все это—вопросы величайшаго интереса и значенія; но, къ сожалѣнію, историческія свидѣтельства даютъ весьма мало данныхъ для разъясненія этихъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе г. Гроту удалось опредѣлить исторію мадыарскаго переселенія по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, и результатъ его изысканій заключается между прочимъ въ томъ, что это странствованіе Мадьяръ отмѣчено по крайней мѣрѣ двумя болѣе или менѣе продолжительными остановками на пути движенія: первую—въ степяхъ южной Россіи между Дономъ и Днѣпромъ, въ области, которую Константинъ Багрянородный называетъ *Лебедией*, и вторую—въ низовьяхъ Дуная, въ мѣстности, называемой Константиномъ *Ателькузу*, то-есть, въ нынѣшней Бессарабіи и Молдавіи, откуда уже Мадьяры и перешли въ долину Тиссы.

Именно къ вопросу о томъ, какимъ путемъ Мадьяры проникли въ Лебедию, и относятся замѣчанія Н. Я. Данилевскаго и его возраженія на мнѣнія К. Я. Грота объ этомъ же предметѣ. Очевидно, это вопросъ, имѣющій ближайшее отношеніе и къ географіи древней Руси, или точнѣе говоря, восточной Европы въ эпоху основанія Русскаго государства. Приступая къ разсмотрѣнію даннаго вопроса, г. Гротъ призналъ полезнымъ коснуться характера и природныхъ особенностей страны, пройденной Мадьярами. Возраженія г. Данилевскаго высказаны имъ также съ физико-географической точки зрѣнія и, безъ сомнѣнія, имѣютъ весьма важное значеніе въ этомъ смыслѣ, что призналъ и г. Гротъ въ своихъ отвѣтныхъ замѣчаніяхъ, также приводимыхъ ниже.

Но чтобы соображенія г. Данилевскаго были вполне ясны для читателя, необходимо предпослать имъ нѣсколько страницъ изъ книги г. Грота, гдѣ послѣдній излагаетъ свой взглядъ какъ на географическое положеніе Лебедии,—имя которой, несомнѣнно славянскаго происхожденія, упоминается въ историческихъ источникахъ единственно только по случаю мадыарскаго переселенія, — такъ и о самомъ пути Мадьяръ съ Урала въ эту страну.

Д. М.

(„Моравія и Мадьяры“ К. Я. Грота, стр. 206 — 217).

Вся сѣверная и отчасти средняя полоса Европейской Россіи до верхняго теченія Оки и другихъ волжскихъ притоковъ, однимъ словомъ до полосы чернозема, рѣзко отличалась отъ южной половины Руси характеромъ своей природы. Въ то время, какъ на сѣверѣ преобладали обширные и дикіе лѣса, которые придавали особый, такъ сказать „лѣсной“ характеръ и самимъ жителямъ сѣвера и ихъ жизни и быту, на югѣ преобладали поля и степныя пространства съ ихъ благоприятными условіями для земледѣлія — съ одной стороны и для привольной, подвижной жизни кочевниковъ — съ другой. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ лѣса попадались рѣже и наконецъ мѣстность обращалась въ совершенную степь ¹⁾, которую пересѣкли многочисленныя рѣки пашего юга, прежде чѣмъ впасть въ Черное море ²⁾. Вся жизнь и промышленность этихъ степныхъ странъ сосредоточивалась на рѣкахъ, которыя привлекали къ себѣ все осѣдлое и болѣе развитое населеніе; въ широкихъ степяхъ располагались пришлые кочевники, которые, стремясь на западъ и постоянно смѣняя одинъ другихъ, почти не переводились въ этомъ краѣ и своими опустошительными набѣгами держали въ страхѣ сосѣднее осѣдлое населеніе. Эти степные кочевники со

¹⁾ Вопросъ о томъ, были ли наши южныя степи въ древности покрыты лѣсами (уничтоженными потомъ пожарами) или нѣтъ, можетъ, кажется намъ, считаться теперь уже рѣшеннымъ въ послѣднемъ смыслѣ. Дознано, что существованію лѣсовъ въ этой полосѣ препятствовали климатическія условія (продолжительныя засухи) и недостатокъ влаги, такъ какъ собственно составъ почвы (черноземъ) самъ по себѣ, конечно, не можетъ быть препятствіемъ произрастанію лѣсовъ. Въ пользу того же вывода о несуществованіи лѣсовъ — свидѣтельствуеетъ и исторія. См. сообщеніе объ этомъ вопросѣ *Щуровскаго* въ запискѣн „Общества Любителей естествознанія, антропологии и этнографіи“ 15 окт. 1880. Краткій отчетъ о немъ въ Ж. М. Н. Пр., ноябрь, 1880, стр. 24—25 (Соврем. Лѣтол.), а также обстоятельный разборъ и рѣшеніе вопроса въ томъ же смыслѣ на основаніи выводовъ науки естествознанія и историческихъ данныхъ въ рецензіи *Л. Майкова* на вѣстугу *Барсова* „Географія начальныхъ лѣтописей“, Варшава, 1873 г. въ Ж. М. Н. Пр. 1874 г. авг., стр. 259—276.

²⁾ Нашъ даровитый знатокъ русской бытовой старины г. *Забѣлинъ* въ своемъ описаніи природы русской земли характеризуетъ мѣткими и живыми чертами особенности нашей южной и сѣверной природы и различія въ бытѣ и характерѣ населенія здѣсь и тамъ. Истор. Русск. Живн., I, стр. 1—36.

своими стадами перекочевывали съ мѣста на мѣсто, легко подымая съ собою все свое несложное имущество, и единственными слѣдами ихъ пребыванія оставались разбросанные по степи голые и одинокіе курганы-могилы, которые они имѣли обычай подвигать надъ своими покойниками.

Въ IX вѣкѣ, т. е. въ ту эпоху, которая насъ занимаетъ, и еще равнѣ описываемый край представлялъ въ *этнографическомъ* отношеніи слѣдующую картину.

На сѣверъ отъ Каспійскаго моря и на востокъ отъ нижней Волги, въ степяхъ, примыкавшихъ къ необозримымъ равнинамъ средней Азіи, кочевали и уже готовы были устремиться на западъ различные народы турецкаго племени, какъ напр. *Печенги*, *Половцы*, *Узы* и др. На сѣверъ отъ нихъ простирались жилища *восточныхъ Финновъ*, на окраинахъ въ перемежку съ турецкими кочевниками (напр. Башкирами), далѣе же къ сѣверу составлявшихъ сплошную массу. На средней Волгѣ и нижней Камѣ жили, на довольно далекомъ протяженіи, Волжскіе и Камскіе *Болгары*, въ державѣ которыхъ были элементы и финскіе, а, можетъ быть, даже отчасти и славянскіе.

На западъ отъ Печенѣговъ, по сѣверовосточному берегу Каспійскаго моря, по нижней Волгѣ и на сѣверъ отъ Кавказа и Азовскаго моря, по всему теченію Дона и его притоковъ, на сѣверъ до Оки, на югозападъ до устьевъ Днѣпра и, наконецъ, на Крымскомъ полуостровѣ господствовали *Хозары*, полусѣдлыи народъ, достигшій уже въ ту пору извѣстной степени государственнаго и гражданскаго развитія. Въ VIII в. и въ первой половинѣ IX-го они находились во всемъ блескѣ своего могущества и силы ¹⁾. Множество сосѣднихъ племенъ различныхъ народностей, въ числѣ коихъ было не мало и Славянъ ²⁾, а по всей вѣроятности были и Финны, входили въ составъ ихъ обширной державы и платили имъ дань или служили ихъ воинственнымъ плѣмъ. Сѣверными сосѣдями хозарскихъ владѣній, тамъ, гдѣ уже начиналась полоса лѣсовъ и бассейновъ р. Волги, отдѣленный отъ южныхъ степей не-

¹⁾ Срв. *В. Григорьевъ* „Обзоръ политической исторіи Хозаровъ“ въ его сочиненіи „Россия и Азія“, Спб. 1876, стр. 57—59.

²⁾ О многочисленныхъ Славянахъ въ предѣлахъ Хозарской державы говорить между прочимъ арабскіе писатели: Аль-Баладури IX в. и Масуди X в. См. *Гаркави* „Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, (Сиб., 1870), стр. 98 и 129—130. Срв. *Барсовъ*, Географія начальной лѣтописи, (Варш., 1873), стр. 129—130.

значительною возвышенностью (которая тянулась съ запада на востокъ и означивалась Самарскою лукою на Волгѣ ¹⁾), были угрюмые *Финны*, вѣроятно предки нынѣшнихъ Мещеряковъ и Мордвы; они населяли южные предѣлы обширной финно-угорской родины, занимавшей весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Наконецъ, на западъ и сѣверозападъ отъ Хозарь, и еще въ предѣлахъ ихъ владѣній простирались не менѣе обширныя жилища *русскихъ Славянъ*; ихъ географическое распредѣленіе по племенамъ извѣстно намъ изъ лѣтописи. Первенствующая роль между этими племенами принадлежала тѣмъ, которые жили по теченію Днѣпра, а на сѣверѣ вокругъ озера Ильменя, однимъ словомъ на знаменитомъ торговомъ пути „изъ Варягъ въ Греки“, а именно Полянамъ, Древлянамъ, Кривичамъ, Словенамъ и проч. Вѣтви этихъ русскихъ Славянъ простирались довольно далеко на юго-западъ и западъ, шли по рѣкамъ нижнему Днѣпру, Бугу и Днѣстру до нижняго Дуная ²⁾, населяли нынѣшнюю Молдавію и Буковину, а затѣмъ тянулись и далѣе на западъ, за горы Карпатскія, въ Трансильванію и сѣверную Угрію, примыкая здѣсь къ своимъ западнымъ соплеменникамъ (Словакамъ). Наконецъ, на сѣверо-западъ отъ русскихъ Славянъ къ Балтійскому морю прилегали племена *Литовскія*.

Сѣверо-восточный край Европейской Россіи по р. Камѣ, между сѣверной Двиной и Уральскимъ хребтомъ, былъ въ древности из-

¹⁾ См. *Забѣлинь*, тамъ же, I, стр. 24.

²⁾ По всему Черноморью, отъ нижняго Днѣпра до нижняго Дуная, были распространены русскіе Славяне, принадлежавшіе (какъ свидѣтельствуется Несторъ) двумъ многочисленнымъ племенамъ, *Ульцямъ* (Уличамъ) и *Тиверцамъ*; средоточіи ихъ были на р. Бугѣ и Днѣстрѣ. По Бугу жили Уличи, по Днѣстру — Тиверцы, имя которыхъ производятъ отъ древняго названія Днѣстра — *Тирасъ*. Предполагаютъ, что восточная вѣтвь Ульцевъ, жившая въ „углу“, обрауемомъ Днѣпромъ и означенномъ съ запада р. Ингульцемъ, носила частное названіе Уличей; въ такомъ случаѣ нельзя смѣшивать эти два сложія названія. Таково по крайней мѣрѣ наиболѣе правдоподобное рѣшеніе запутаннаго вопроса объ этихъ племенахъ у г. *Ламбина* („Славяне въ сѣверн. Черноморьѣ“, Ж. М. Н. Пр. 1877, май). Эти черноморскіе Славяне (Уличи и Тиверцы) были отгнѣсены отсюда на сѣверъ кочевниками, т. е. главнымъ образомъ Печенѣгами. Съ тѣхъ поръ (съ нач. X в.) ихъ жилища находились по верхнему теченію Буга и Днѣстра. Уличи жили между этими двумя рѣками, какъ доказываетъ *Ламбинъ* (тамъ же, 1877, июнь) и какъ подтвердилось затѣмъ чтеніемъ загадочнаго мѣста о нихъ въ Новгород. лѣтон. („межи Богъ и Днѣстръ“), отысканнымъ акад. А. Ф. *Бичковимъ* (Отчетъ о XIV присуд. Увар. награды, 1872); срв. В. *Васильевскій*, рец. на *Бруна*: Черноморьѣ, I, въ Ж. М. Н. Пр. 1879, ноябрь, стр. 108.

вѣстель на сѣверѣ подь именемъ *Віарміи*, первое историческое упоминаніе о которой относится къ IX в. ¹⁾). Уже съ незапамятныхъ временъ край этотъ, особенно его восточная часть, прилеганшая къ горамъ Урала (гдѣ были горные промыслы), славилась повсюду своими природными богатствами и достигла важнаго торговаго значенія. Слѣды этой эпохи и донынѣ отискиваются въ Пермской губерніи. И близкіе сосѣди (Камскіе и Волжскіе Болгары), и народы дальнихъ странъ вступали съ обитателями Віарміи въ торговья сношенія. Уже Геродотъ приводитъ баснословные разсказы объ этой странѣ. Торговля ея съ югомъ, особенно съ прикаспійскими землями, шедшая самымъ естественнымъ рѣчнымъ путемъ по Камѣ и Волгѣ, началась очень рано: этимъ путемъ находили себѣ между прочимъ сбытъ и богатства средней Азіи. Но и Греки изъ своихъ черноморскихъ колоній рано познакомились и завели сношенія съ жителями Віарміи. Такимъ образомъ богатый греческій міръ нашего Черноморья долженъ былъ быть издавна соединенъ торговыми путями съ дальнимъ сѣверо-востокомъ, съ Віарміей, и знакомъ съ ея обитателями, *Югрою* ²⁾). Такихъ путей по всей вѣроятности было нѣсколько, и конечно они шли не иначе, какъ по рѣкамъ, т. е. по главнымъ воднымъ сообщеніямъ. *Западный* путь шелъ (изъ греческой колоніи Ольвіи) по Днѣпру и по Деснѣ, затѣмъ Окою въ Волгу и Каму. *Восточный* направлялся изъ Босфора и Азовскаго моря по Дону до его поворота на западъ, затѣмъ переходилъ на Волгу и при устьѣ Камы сходилъ съ первымъ. Однако едва ли подлежитъ сомнѣнію, что между этими путями существовалъ еще третій — *средній*, который шелъ вверхъ по Дону и съ него переваломъ въ рѣчную систему Волги, т. е. Рязанскою областью въ Оку (вѣроятно, ея притокомъ Провей) и опять въ Волгу и Каму ³⁾).

Съ первыхъ вѣковъ по Р. X. страну на сѣверъ отъ Каспійскаго моря и Кавказа, по нижней Волгѣ и Яиду занималъ, какъ мы видѣли, многочисленный народъ турецкаго происхожденія — Хозары. Съ ними-то издавна находились въ торговыхъ сношеніяхъ какъ Камскіе и Волжскіе Болгары, такъ безъ сомнѣнія и сѣверо-восточныя финно-угорскія племена Югры (въ Віарміи). Такимъ

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, Русск. Исторія (Спб. 1872), стр. 71.

²⁾ Уже годично проникали съ торговыми цѣлями въ Віармію русскіе Олавины и Норманны. Послѣдніе только въ IX в. Срв. *Бестужевъ-Рюминъ*, тамъ же.

³⁾ Срв. *Забѣлкинъ*, тамъ же, стр. 84, 85.

образомъ эти послѣдніе и Хозары могли очень рано познакомиться и сблизиться другъ съ другомъ. Едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что и предки *Угровъ* (Мадьяръ) еще въ прародинѣ своей мѣнялись товарами съ хозарскими купцами, а въ такомъ случаѣ знакомство ихъ съ Хозарами относится къ очень древнему времени.

Къ VII и VIII в., какъ кажется, относится пѣкоторое распространѣніе жилищъ и господства Хозаръ къ западу. Вслѣдствіе напора турецкихъ кочевыхъ ордъ (Печенѣговъ и Узовъ), они принуждены были податься на западъ и утвердиться также на территоріи къ сѣверу отъ Азовскаго моря. Съ этимъ вмѣстѣ на берега Дона перемѣстились отчасти съ береговъ Каспійскаго моря (гдѣ при устьяхъ Волги процвѣтала ихъ столица *Итиль*) ихъ внутренніе экономическіе и политическіе интересы. Тогда-то, въ VIII в. и еще въ IX-мъ, они находились на вершинѣ своего могущества. Разумѣется, въ эту эпоху ихъ торговья связи съ сѣверомъ, съ Угрозуральскимъ краемъ не только не ослабли, но, напротивъ, должны были усилиться. Только въ торговыхъ путяхъ сообщенія, подвліяніемъ обстоятельствъ, могла произойти пережѣна. Путь по Волгѣ уже не былъ болѣе достаточно безопасенъ для ихъ торговыхъ экспедицій вслѣдствіе близости кочевыхъ хищныхъ Печенѣговъ и Узовъ, которые безпрестанно рыскали по берегамъ Волги. Имъ поэтому оставалось избрать именно тотъ *средній путь вверхъ по Дону на перевалъ въ Оку*, о которомъ мы упомянули выше. Для донскихъ жителей такой путь былъ самый естественный и удобный. Очень можетъ быть, что именно для обезпеченья этого торговаго пути по Дону была построена Хозарами (приблизительно на крутомъ поворотѣ его на юго-западъ) ¹⁾, при помощи греческихъ инженеровъ (въ 835 г.), крѣпость *Саркель* ²⁾ противъ набѣговъ Печенѣговъ, которые заходили также за Волгу и могли легко являться даже на Дону, тамъ, гдѣ онъ подходит на самое близкое разстояніе къ

¹⁾ О спорѣ ученыхъ относительно мѣстоположенія Саркеля *В. Гриморевъ*, Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, сб. „Россия и Азія“, стр. 59—60, прим. 44.

²⁾ Саркель, имя котораго объясняется пѣзъ *чувашикскаго* языка, гдѣ *шора*—сари) значить *блѣный*, а *кель*—домъ, означаетъ слѣдовательно „блѣный домъ“ и тождественъ съ *Блѣной Вѣжой* Нестора; чувашскій языкъ (особ. древній), какъ языкъ турецкаго корня, былъ вѣроятно близокъ къ хозарскому. Срв. *Куникъ*, Уч. Зап. И. Ак. Наукъ, III, 1855, стр. 727—728; также *Извѣстія Ал-Бекри о Руси и Славянахъ* (Сиб. 1878), 1-е розсказаніе *Куника* (стр. 125); срв. еще Hunfalvy Ethnographie v. Ungarn, S. 257.

Волгѣ. Этотъ путь, которымъ хозарскіе купцы ѣздили въ Югру и на сѣверный Уралъ, не могъ быть безъизвѣстенъ и тому населенію, съ которымъ они торговали, т. е. финно-угорскимъ племенамъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности и предкамъ нынѣшнихъ Угровъ. Скажемъ болѣе: предприимчивые люди изъ племенъ восточныхъ Финновъ сами могли ходить этимъ путемъ въ Хозарію.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что, когда Мадьяры, по выше разъясненнымъ причинамъ, рѣшились покинуть свою родину и искать новыхъ жилищъ, они не могли избрать иного пути, какъ по Камѣ и Волгѣ на Оку, и вверхъ по Окѣ — къ верховьямъ Дона (т. е. давно знакомый имъ торговый путь къ Хозарамъ). На Окѣ имъ впрочемъ предстоялъ выборъ, ибо путь раздваивался: одинъ шелъ переваломъ на Донъ къ Хозарамъ, другой — на Десну и Десною въ Дѣпръ къ дѣпровскихъ Славянамъ. Мадьяры, какъ увидимъ сейчасъ, предпочли первый изъ нихъ ¹⁾.

О самомъ переходѣ Мадьяръ въ Лебедію нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій. Свидѣтельства Константина Багрянороднаго уже застаютъ ихъ въ этой странѣ ²⁾. Что касается организаціи мадьярскихъ полчищъ при переселеніи, то, если вѣрить извѣстіямъ, они состояли изъ семи племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего вождя; по крайней мѣрѣ о такомъ подраздѣленіи рассказываетъ Константинъ Багрянородный ³⁾ (и Анонимъ). Общаго царя или вождя не было ⁴⁾. По всей вѣроятности для большаго удобства и порядка при передвиженіи, каждое племя было раздѣлено своимъ главою еще на болѣе мелкіе отряды и для каждого выбранъ особый начальникъ. Вообще на время пути Мадьяры и ихъ

¹⁾ Второй путь съ Оки—въ притоками (Угрой или Жиздрой) на Десну даже не могъ быть, кажется, доступенъ Уграмъ, ибо именно здѣсь, на водораздѣлѣ рѣкъ Десны и Оки гналась въ старину обширное дремучіе лѣса; извѣстны въ народныхъ преданіяхъ подл. именемъ *Брыскіахъ* (рѣч. *Л. Н. Майкова* на вѣг. *Барсова*, Ж. М. Н. Пр. 1874, августъ, стр. 269),—лѣса, которые не могли не служить препятствіемъ движенію конныхъ Угровъ.

²⁾ На сколько заслуживаетъ вѣры рассказъ Анонима, было разсмотрѣно выше. Все, что до сихъ поръ на немъ основывали, остается безъ кочви. Срв. напр. выходы *Европеуса*, „О народахъ среди и сѣв. Россіи“. Ж. М. Н. Пр. 1888, № 7, ст. 69—70. Опроверженіе у *Огородникова*, Зап. Им. Геогр. Общ. по этнографіи, т. VII, стр. 21—22.

³⁾ De Adm. Imp., с. 88. Вслѣдствіе Кабары (частіца Ховаръ) присоединилась въ Мадьярамъ, какъ 8-е племя. De Adm. I. с. 40 р. 172.

⁴⁾ *Fessler*, Geschichte d. Ungarn. T. I, S. 289.

турецкіе сотоварищи безъ сомнѣнія ввели у себя какую-нибудь *военную* организацію, въ родѣ той, какая въ новѣйшее время была введена (какъ было выше упомянуто) у калмыцкаго племени *Торютовъ*, предпринявшаго въ прошломъ вѣкѣ далекое странствованіе съ береговъ Волги къ предѣламъ Китая ¹⁾. Средствомъ пропитанія ихъ на пути были, разумѣется, все тѣ же охота и рыболовство, т. е. занятія, которыми они существовали и на родинѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ путь по большимъ рѣкамъ представлялъ особенныя удобства. Само собою разумѣется, что движеніе мадыарской орды сопровождалось грабежами и набѣгами на мирное осѣдлое населеніе, встрѣчавшееся на пути. Въ этомъ случаѣ впереди Мадыаръ отличались конечно турецкіе элементы, увлекавшіе за собой и послѣднихъ.

Въ продолженіе своего пути Мадыары, по всей вѣроятности, нѣсколько разъ останавливались на болѣе значительное время. Такъ есть основаніе думать, что подобной стоянкой была мѣстность на Окѣ въ нынѣшней Калужской губерніи. На это предположеніе наводитъ насъ рѣка *Ура* (притокъ Оки), обязанная повидимому этому обстоятельству (т. е. прохожденію здѣсь Угровъ) своимъ названіемъ. Прозвали ее такъ, безъ сомнѣнія, не сами Угры, а сосѣдніе Славяне.

Перейдя съ Оки (вѣроятно же всего—р. Улюю) на Донъ и продолжая свой путь по Дону, Мадыары въ то же время вступили въ ховарскія владѣнія. Ховары вѣроятно сами назначили имъ мѣстности для кочевьевъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, который почерпалъ свои свѣдѣнія (какъ выше замѣчено) между прочимъ и изъ славянскихъ источниковъ, эта страна, занятая Уграми, называлась *Лебедіей* (Λεβεδία). Остается опредѣлить ея мѣстоположеніе.

По словамъ Константина, „Лебедіей“ называлась эта страна по имени перваго воеводы Мадыаръ Лебедіаса. Въ ней протекаетъ рѣка *Хиѳра* или иначе *Хиуоловъ*; она находилась по близости отъ земли Ховаръ. Никакихъ болѣе точныхъ свѣдѣній мы о ней не имѣемъ. Впослѣдствіи изъ этой страны Мадыары, вытѣсненные Печенѣгами, переселились въ страну „Ателькузу“, гдѣ во времена Багрянороднаго жили Печенѣги. Имена „Лебедія“ и „Лебедіасъ“, славянское происхожденіе которыхъ очевидно, не могутъ не напоминать намъ

¹⁾ *Pallas, Sammlungen histor. Nachrichten üb. die Mongol. Völkerschaften* I. T. S.-Petersb., 1776, S. 90—96.

однородныхъ географическихъ названій въ Россіи: *Лебедань* (на Дону) въ Тамбовской губерніи, гор. *Лебединь* въ Харьковской губерніи, *Лебединь лѣсъ* (нынѣ Черный лѣсъ) въ Екатеринославской губерніи и проч. Но есть ли какая нибудь непосредственная связь между этими названіями и именами земли и вождя у Константина Багрянороднаго, это—вопросъ, для рѣшенія котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ данныхъ. Большая часть ученыхъ, имѣя въ виду гор. Лебединь Харьковской губерніи и Лебединь лѣсъ Екатеринославской губерніи, помѣщали и *Лебедію* Константина въ эти мѣстности ¹⁾. При этомъ принималась въ расчетъ упомянутая Багрянороднымъ р. *Χιδιάς* или *Χιγγολός*, тождественная, кажется, съ упомянутой въ другомъ мѣстѣ (с. 42, р. 179) рѣкой *Σιγγούβλ*, въ которой нельзя не узнать р. Ингула (или Ингульца). И такъ, согласно съ этимъ, Лебедія должна была простираться между рѣками Дономъ и Днѣпромъ, въ Харьковской губ., на юго-западъ по направленію къ порогамъ Днѣпровскимъ и за Днѣпръ, въ область рѣкъ Ингульца и Ингула. Съ другой стороны нѣкоторые изслѣдователи, имѣя въ виду не Лебединь Харьковской губ., а Лебедянь Тамбовской, помѣщали мадырскую Лебедію по верхнему теченію Дона, въ западный уголъ Тамбовской губ. и въ смежныя мѣстности. Однако мы не считаемъ возможнымъ на основаніи однихъ этихъ гадательныхъ сопоставленій съ увѣренностью опредѣлять мѣстоположеніе Лебедіи въ той или другой изъ означенныхъ странъ. Вообще, существовалъ ли дѣйствительно *цѣлый край* (выѣстившій всю орду мадырскую) по имени *Лебедіи*, и затѣмъ въ какомъ отношеніи стоитъ это географическое названіе къ личному имени вождя Лебедіаса у нашего писателя, это вопросы, для рѣшенія которыхъ показанія одного Константина Багрянороднаго не достаточны ²⁾. Въ свидѣтельствахъ послѣдняго для насъ всего важнѣе то, что у него съ пребываніемъ Мадырѣ въ южныхъ степяхъ Россіи, по сообществу съ Хезарами связаны имена чисто-славянскаго происхожденія. Изъ этого факта мы, кажется, имѣемъ полное право сдѣлать выводъ,

¹⁾ *Thunmann*, Untersuch., 142; *Fessler*, 236—237; *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс., I, стр. 77, прим. 302; *Zeuss*, Deutschen u. die Nachbarstämme. S. 750—Срв. *Юревичъ*, Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др. т. VI. 71, который, какъ извѣстно, объясняетъ *русскія* имена Днѣпровскихъ пороговъ изъ *мадырскаго* языка и второе названіе Кіева у Константина Б. *Σιγγούβλ*; считаетъ тоже мадырскимъ.

²⁾ *Шафарикъ*, Сл. Др. II, 1 кн., стр. 390. *Fessler-Klein*, S. 49. Срв. *Cassel*, Magyar. Alterthum. Berl. 1848, S. 128. (Послѣдній вообще скорѣе еще болѣе запуталъ, чѣмъ разъяснилъ показанія К. Багр. своими толкованіями).

что Мадьяры, прибывъ по верхнему Дону въ южно-русскую степную страну и расположившись рядомъ съ Хозарами, вошли тотчасъ же въ самое близкое соприкосновеніе съ Славянами (рускими), поселенія которыхъ простирались тогда уже на востокъ по лѣвымъ притокамъ Днѣпра, верхнему теченію Оки и даже вѣроятно по верхнему и отчасти среднему Дону. Самое же имя „Лебедія“ доказываетъ только древность и распространенность топографическихъ названій этого корня на Руси: и до сихъ поръ они въ значительномъ числѣ разбросаны по разнымъ концамъ Россіи ¹⁾. Гор. Лебединъ Харьковской губ. дѣйствительно заслуживаетъ въ данномъ вопросѣ нашего особеннаго вниманія, но лишь потому, что на ту же мѣстность какъ на мѣсто угорскихъ кочевьевъ, наводитъ насъ другое соображеніе, еще гораздо болѣе убѣдительно. Именно въ Книгѣ Большаго Чертежа означена рѣчка *Уринъ* въ нынѣшней Харьковской губ., впадающая въ р. Уды, притокъ Дона ²⁾. Въ этомъ названіи „Уринъ“ (какъ и въ р. Угрѣ) дѣйствительно нельзя оиять не видѣть слѣда Угровъ, которые въ теченіе нѣкотораго (не слишкомъ незначительнаго) времени кочевали въ этой мѣстности. И это названіе, безъ сомнѣнія, было дано Славянами, которые слѣдовательно въ ту эпоху уже жили въ этихъ краяхъ ³⁾.

Что касается упоминанія Константиномъ рѣки *Χιγγυλοός* (гдѣ, безъ сомнѣнія, разумѣется Ингуль или Ингулецъ), протекающей въ Лебедіи, то оно никакъ не даетъ еще права отыскивать эту страну по ту (правую) сторону Днѣпра, а свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, лишь о томъ, что Мадьяры, пріютившись во владѣніяхъ хозарскихъ, не ограничили своихъ скитаній и хищническихъ предпріятій какою-нибудь опредѣленною мѣстностью; напротивъ, отдѣль-

¹⁾ Кроме упомянутыхъ г. Лебедина и Лебедяна: Лебедино озеро (Новгородск. губ.), Лебедино (деревня Каз. губ.), Лебедицы (село Киевск. губ.), Лебединъ (село Киев. губ.), Лебедь (Томск. губ.) и проч. См. Географич. Словарь *И. Семенова*, т. III, стр. 18—20.

²⁾ Въ Ки. Больш. Черт. читаемъ: „А отъ рѣчки отъ Удъ на лѣвой сторонѣ Муравской дороги, рѣчка Уринъ да Лопанъ; а рѣчка Уринъ пала въ Уды, а Лопанъ пала въ Харьковъ, а Харьковъ впаде въ Удъ и проч.“. См. Географ. Словарь, Москва, 1808 г. ч. 6—7, стр. 540.

³⁾ Мы замѣтили выше (стр. 174), что Книга Больш. Черт. упоминаетъ о горѣ „Дентумъ“ въ нынѣшней Воронежской губ., слѣдовательно приблизительно въ тѣхъ же странахъ. Г. Куникъ сближаетъ съ этимъ именемъ названіе мадырской родины по Аноному „Дентимогер“. Не беремся сужить, насколько основательно это сближеніе. (Иавѣстія Аль-Безри, *Жуника* и *Розена*, стр. 109).

ные ихъ отряды, вскорѣ по прибытіи въ придонскую степь, продолжали движеніе по югу и юго-западъ, располагался своими „вежами“ то тутъ, то тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства и природныя условія, и совершая въ то же время грабительскіе набѣги въ разныя стороны. Оттого-то они такъ рано (въ перв. полов. IX в.) появляются уже на нижнемъ Дунаѣ и затѣмъ на Крымскомъ полуостровѣ.

Выдержка изъ письма Н. Я. Давыдовскаго.

Я считаю, что тотъ путь, которымъ вы заставляете идти предковъ вывѣпникъ Мадьяръ изъ ихъ прародины въ Лебедію есть путь невозможный. Прежде всего позволѣте сдѣлать одно замѣчаніе. Говорю о путяхъ торговыхъ въ Біармію, кромѣ западнаго и восточнаго, противъ которыхъ ничего возразить нельзя. Но былъ еще, говорите вы, средній путь, и назначаете его по Дону до верховьевъ и Пронею въ Оку. Я думаю, такихъ былъ не одинъ, а много. Вы сами назначаете другой для Мадьяръ въ Лебедію—Упой и въ верхній Донъ, слѣдовательно и торговля могла тутъ идти, но почему же ей было не слѣдовать съ Дона въ Воронежъ и оттуда Цной, почему не идти Хопромъ и потомъ Сурой, совершенно минуя Оку,—вѣдь тутъ большой крюкъ выкидывается. Но это только такъ, къ слову. Этимъ я хотѣлъ только показать, что если Уграмъ надо было идти пугельъ, проложеннымъ прежде торговлею, то они могли выбрать любой и всего лучше кратчайшій. Впрочемъ, что до меня касается, то я полагаю, что ни однимъ изъ этихъ путей они идти не могли, и все по одной и той же причинѣ, что по всѣмъ этимъ путямъ они перемерли бы съ голоду. „Средствомъ ихъ пропитанія по пути были, разумѣется, все тѣ же охота и рыболовство, т. е. занятія, которыми они существовали и на родинѣ“.—Но позволѣте, сколько же ихъ было? Мало не могло быть,—иначе они распустились бы въ массѣ другихъ народовъ, да и не могли бы размножиться черезъ 60—70 лѣтъ ихъ пребыванія въ Лебедіи и Ателькузу на столько, чтобъ вынесши много войнъ, въ особенности дѣй съ Болгарами (и Печенѣгами въ Ателькузу) явиться уже могучею ордою на Дунаѣ и Тиссѣ. Въ приведенномъ вами свидѣтельствѣ Ибнъ-Дасты говорится, что они выступали въ нихъ съ 20,000 всадниковъ. Таково, значитъ, было число выставляемыхъ ими вой-

новъ, слѣдовательно все число душъ съ женщинами и дѣтьми должно было доходить по крайней мѣрѣ до 80,000 и, вѣроятно, до 100,000 человекъ. У насъ въ казацкихъ войскахъ, гдѣ все взрослое мужское населеніе служить, при величайшемъ напряженіи силъ выставляется $\frac{1}{6}$ общаго народонаселенія; полагаю, что у Мадьяръ выходили въ поле люди еще болѣе старые, и потому вмѣсто $\frac{1}{6}$ кладу $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$. Больше невозможно.

И такая масса людей отъ 80,000 до 100,000 человекъ, не разбѣянныхъ по огромному пространству, а идущихъ болѣе или менѣе скученно, и слѣдовательно производящихъ шумъ и гвалтъ и распугивающихъ этимъ самымъ дичь, должна была исключительно ею (и рыбой—о рыбѣ послѣ) питаться. И какаѣ же это дичь? главное—птицы, зайцы, изрѣдка лоси,—зубровъ, вѣроятно, не было, ибо иначе какъ бы не сохранились они въ огромныхъ лѣсахъ Вел. Россіи, если не до нашихъ дней, то хоть до прошедшаго или XVII столѣтія. Но вѣдь одной птицы средней величины на человека въ день мало, слѣдовательно, если шествіе ихъ продолжалось только 200 дней, то надо бы было имъ перебить 20,000,000 штукъ тетеревовъ или соответственное количество другой дичи. Но вѣроятно они шли долѣе, тутъ и зимовали хоть разъ. Что касается до рыбы, то вообще существуетъ преувеличенное понятіе о количествѣ ея въ рѣкахъ столь отдаленныхъ отъ устьевъ, какъ Волга, Ока и въ особенности притоки ихъ. Преувеличено понятіе о количествѣ рыбы даже въ такихъ большихъ рѣкахъ, какъ Печора, Обь. Я самъ видѣлъ, какъ въ Печорѣ выволакивали огромный неводъ (въ сотни сажень длины) и вытаскивали нѣсколько десятковъ мелкихъ рыбешекъ. Рыбы много, достаточно для прокормленія большой массы людей только въ низовьяхъ такихъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ слабо-солѣныя моря, потому что тѣ же породы живутъ на обширныхъ пространствахъ моря, которыя въ извѣстныхъ времена года тѣснятся въ устье рѣкъ. Таковы Уралъ, Волга, Терекъ, Кубань, Донъ, Бура. Но ни одна изъ рѣкъ, впадающихъ напримѣръ въ Черное, уже болѣе солѣное море, такихъ массъ рыбы не представляетъ, а за тысячи верстъ отъ устьевъ существуетъ только та рыба, которая въ нихъ постоянно живетъ, а количество такой не можетъ быть велико. Изъ моря же такъ высоко поднимаются уже незначительное количество.

Да притомъ чѣмъ ловить эту рыбу? Единственное орудіе, позволяющее доставать разомъ громадное количество,—большой неводъ. Не могли же они тащить невода съ собою, предполагал даже,

что знали его употребленіе. Да и рѣки лѣсныя завалены коршами ¹⁾, не позволяютъ тянуть большимъ неводомъ,—для этого нужно расчистить тони. Значитъ, они должны были довольствоваться вершами ²⁾. Но ими 100,000 не прокормились бы. Это разъ. А другое, по обширному дикому лѣсному пространству огромному количеству людей и пробраться нельзя. Берега рѣкъ сплошь до воды заросли лѣсомъ, завалены валежникомъ. Торговцы, какіе-нибудь десятки человекъ, ѣдутъ на лодкахъ, но какъ пробраться пѣшкомъ? Я говорю это, потому что ѣздилъ такими рѣками въ архангельской губ., а таково должно было быть въ IX вѣкѣ все Покамье и Поочье. Вы сами въ одномъ мѣстѣ (стр. 212, примѣч.) говорите, что они не могли пойти съ Оки на Десну, потому что тутъ въ старину тинулись обширныя дремучіе лѣса, извѣстные въ народныхъ преданіяхъ подъ именемъ Брынскихъ. Это совершенно вѣрно. Но, вспомнивъ о Брынскихъ, почему же забываете о Муромскихъ, которые не менѣе, если не болѣе ихъ знамениты, и въ то время эти Муромскіе лѣса покрывали все то пространство, по которому вы пролагаете путь Уграмъ,—все отъ Камы до Упы сплошь было, безъ сомнѣнія, одинъ дремучій лѣсъ съ рѣдкими, кое-гдѣ, можетъ быть, разсѣянными поселками, какъ теперь по Пезѣ и Цыльмѣ, гдѣ я пробирался съ Мезени на Печору. И эти рѣдкіе поселки, кстати сказать, не могли доставить имъ въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ пропитанія, хотя бы Угры все у нихъ поѣли. Допустимъ даже, что это были посѣлки земледѣльческіе. Вѣдь въ тѣ времена, если и существовала торговля, то конечно не хлѣбомъ, слѣдовательно всѣ имѣли хлѣба лишь въ свое пропитаніе, а не запасы его. Еще о пропитаніи. Сѣверо-Американскіе Индѣйцы живутъ, правда, охотой (или недавно покрайней мѣрѣ жили) исключительно. Не должно забывать, что въ тамошнихъ степяхъ (преріяхъ) пасутся огромныя стада бизонровъ, которые и составляютъ главный предметъ ихъ пропитанія; но никакого подобнаго животнаго въ лѣсахъ Вел. Россіи не было. Да и то индѣйскія племена составляютъ не 100,000 массу людей, а бродятъ туда и сюда, отыскивая себѣ пищу, и не идутъ по

¹⁾ *Корша*, *кѡрча*, коряга, корча, суковатой пенъ, вѣтвистый обломокъ, цѣлое дерево съ кореньями, подмытое водою; замытое въ песокъ подъ водою дерево опасное для рыболововъ. *Даль*, Толк. Слов.

²⁾ *Вѣрша*, *вайда* (вгл.), рыболовный снарядъ изъ прутьевъ, въ видѣ воронки. *Даль*, тамъ же.

опредѣленному пути, какъ шли Угры. Я такъ убѣжденъ въ недостаточности средствъ пропитанія, доставляемыхъ охотою значительному количеству людей въ мѣстностяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, что не могу себѣ даже представить, чтобы и на своей прародинѣ, въ отечествѣ Вогуличей и Остяковъ, предки Угровъ могли исключительно ею пропитываться. Необходимо признать, что, подобно своимъ родичамъ, и тогда были у нихъ болѣе богатые и обезпеченные источники къ жизни, а именно олени. Они должны были быть первоначально не только звѣроловами и рыболовами, но и оленеводами.

Въ цитованной выпискѣ на стр. 212 сказано еще: „лѣса эти не могли не служить препятствіемъ движенію конныхъ Угровъ“. Ну объ конныхъ и думать нечего, но и цѣшіе пройти не могли. И это одинаково относится и къ Брынскимъ и къ Муромскимъ (въ томъ смыслѣ, который я имъ придаю). И тутъ является еще одно затрудненіе. Если Угры не могли придти предполагаемымъ вами путемъ въ Лебедію конными, то, спрашивается, чѣмъ же питались они по прибытіи на мѣсто въ Лебедію, не имѣя съ собой ни лошадей, ни вообще скота, а во вторыхъ, допустивъ, что питались они, наиримѣръ, хоть данью—натурою, взыскиваемою ими съ славянскаго населенія, ну хоть въ сѣверной части Лебедіи, то какъ же они обратились въ кочевой народъ? Вѣдь для этого имъ, во-первыхъ, нужно было завести себѣ скотъ: лошадей, коровъ, вѣроятно, и овецъ, затѣмъ надо было всему этому скоту размножиться—и до какой степени: не менѣе какъ до 1.000,000 штукъ, ибо для безбѣднаго достаточнаго пропитанія отъ 80,000 до 100,000 человекъ менѣе положить нельзя. Не забудемъ, что кромѣ дающихъ молоко коровъ и кобылъ надо много жеребцовъ и быковъ, надо нѣсколько поколѣній жеребятъ и телятъ, такъ что менѣе 30 штукъ на человѣка положить нельзя. Примите во вниманіе, что вѣдь при кочевомъ скотоводствѣ скотъ даетъ очень мало молока, 1) по причинѣ зимней безкормицы,—сѣна вѣдь они же не запасли; 2) потому что телята и жеребята матку сосутъ, а на потребность человѣка идетъ лишь то молоко, что за симъ останется. Наконецъ, по достаточномъ размѣрѣ скота, надо было до того свыкнуться съ кочевой жизнью, до того сродниться съ конемъ, чтобы сдѣлаться тѣми неукротимыми наѣздниками, какими мы видимъ Угровъ въ Венгріи при ихъ набѣгахъ. Возможно ли достигнуть этого въ какіе-нибудь много, много что 70 лѣтъ? т. е. въ 70 лѣтъ надо было завести скотъ, размножить его до 1.000,000 штукъ (при обстоя-

тельствѣхъ въ сущности неблагопріятныхъ,—при снѣжныхъ зимахъ и безкормицѣ) и переродиться изъ звѣролововъ и рыболововъ въ номадовъ и наѣзтниковъ. И такъ вотъ вамъ сколько, по моему мнѣнію, невозможностей, если предположить для Угровъ назначаемый вами лѣсной путь: 1) Во время пути питаться нечѣмъ. 2) Не только конной, но и пѣшей массѣ отъ 80,000 до 100,000 этимъ путемъ пробраться невозможно. 3) По прибытіи въ Лебедію питаться нечѣмъ. 4) Не хватитъ 70 лѣтъ, чтобъ завестись скотомъ, размножить его и превратиться изъ звѣролововъ въ номадовъ и наѣзтниковъ.

Какъ же избѣжать этихъ затрудненій? По моему, на это — только одно средство, которое разомъ уничтожитъ всѣ затрудненія и которому ни въ одномъ изъ существующихъ объ Уграхъ извѣстійхъ ничто не противорѣчитъ. Надо предположить, что Угры, пустившись въ свое странствованіе изъ Біарміи въ Лебедію, уже были кочевниками и наѣзниками, и слѣдовательно шли путемъ возможнымъ для кочевниковъ, т. е. не лѣсомъ, а степями. Какъ же согласить это съ ихъ финскою природою?—мнѣ кажется, очень просто. Надо все переселеніе ихъ раздѣлить на два темпа. Первый: изъ ихъ финской *пра-природины*, Біарміи—лѣсной Пермской или Вятской губерніи въ ихъ *степную природину*, гдѣ они ономадились, и второй: изъ этой послѣдней въ Лебедію. Гдѣ же искать эту промежуточную станцію? Тамъ, гдѣ кончается лѣсъ и начинается степь, гдѣ эти формации проникаютъ другъ другу и гдѣ можно предположить, что другіе, болѣе ихъ могущественные кочевники (Печенѣги, Узы и т. п.) въ теченіе долгаго времени не препятствовали ихъ перерожденію изъ звѣролововъ и рыболововъ въ кочевниковъ, которое могло продолжаться столѣтія. Единственное мѣсто, которое можно для этого назначить, — это восточная часть губ. Уфимской и сѣверная часть Оренбургской, т. е. предгорье южнаго Урала, теперешняя Башкирія, гдѣ Финны — Вогуло-Остяцкіе Угры или Мадьяры должны были обашкириться, прежде чѣмъ мочь пуститься въ дальнѣйшій путь. Употребляя слово *обашкириться*, я придаю ему смыслъ нарицательный, а не собственный, т. е. въ томъ смыслѣ, что здѣсь они должны были принять тотъ образъ жизни, тѣ нравы и обычаи, которыми теперь или въ недавнее прошлое отличались теперешніе обитатели этой страны, Башкиры. — И вы отчасти это признаете, ибо говорите (стр. 219): „Не слѣдуетъ вообще забывать, что къ воспріятію всякихъ вліяній со стороны Хазаръ Угры были подготовлены уже

въ прародинѣ—раннимъ сообществомъ и смѣшеніемъ съ Турками^а,— но только, по моему, признаете не въ достаточной мѣрѣ. Они, т. е. Угры, уже въ прародинѣ (не въ первой, а во второй, не въ Біарміи, а въ Башкиріи) должны были совершенно отуречиться, обашириться, т. е. сдѣлаться вполне кочевниками. Когда и какъ это могло произойти? Во времени тутъ недостатка нѣтъ, такъ какъ дѣло происходило за исторической сценой, могло происходить медленно и постепенно рядомъ небольшихъ переселеній изъ Біарміи въ Башкирію въ теченіе VIII, VII, VI, V-го, однимъ словомъ сколькихъ хотите столѣтій. Здѣсь отъ лѣсной охотничьей жизни— въ лѣсахъ Башкиріи они постепенно могли переходить къ пастушескому быту, заимствуя его, пожалуй, отъ небольшихъ турецкихъ племенъ, тутъ же мирно кочевавшихъ, переходить, — потому что жизнь кочевая легче, обеспеченнѣе жизни звѣроловой, переходить и смѣшиваться, причемъ финское ядро обростало турецкой оболочкой во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ языкѣ.

Это моя гипотеза, впрочемъ совершенно необходимая, ибо лѣсомъ Уграмъ пройти было нельзя, и въ 70 лѣтъ сдѣлаться кочевниками, не бывъ ими прежде, тоже нельзя. Не уберемъ ли мы вмѣсто одного двухъ зайцевъ? Думаю, что уберемъ, можетъ быть даже и трехъ: первый и главный зайць — это то, что Мадыры избавляются отъ голодной смерти, которой непременно бы подверглись, слѣдуя рѣками по лѣсной глуши, и избѣгаютъ необходимости продирается сквозь непролазную для 100,000 человекъ лѣсную чащу, получаютъ по прибытіи въ Лебедю въ приведенномъ съ собою скотѣ обеспеченное средство къ существованію, и не имѣютъ надобности совершить невозможный подвигъ — въ 70 лѣтъ добыть и размножить до 1.000,000 штукъ скота и лошадей и переродиться изъ звѣролововъ и рыболововъ въ пастуховъ и наѣзтниковъ (въ этомъ одномъ зайцѣ заключается ихъ уже четыре). Второй зайць: этимъ прикирятся возраженіе, сдѣланное Фесслеромъ, которому и вы придаете вѣсь (стр. 188): „Будь Мадыры Финнами, они вѣроятно и нынѣ жили бы со своими родичами въ сѣверо-восточной Россіи, съ Черемисами, Вотяками, Зырянами (до Зырянъ это впрочемъ не относится, — это народъ торговый, промышленный и очень богатый), Пермьками и Вогулами, не уступая имъ въ грубости, тупоуміи, лѣни и нищетѣ“—прикирятся съ безспорно доказанными лингвистическими доводами о коренномъ финскомъ происхожденіи Мадыаръ. Объясняется и средневѣковое названіе Ungaria Magna, придаваемое Башкиріи: не въ томъ смыслѣ, что

тогдашніе Башкиры были одноплеменны съ Мадьярами, а въ томъ, что оттуда вышли Мадьяры — ономадившійся финскій народъ, а остались или впоследствии пришель народъ чисто-татарскій — теперешніе Башкиры. На стр. 178 вы ставите вопросъ, были ли Мадьяры уже у себя дома наѣздниками (какъ думаетъ Гунфальви) или сдѣлались ими только подъ вліяніемъ кочевыхъ турецкихъ племенъ, какъ думаетъ Куникъ. Можно сказать: оба правы и оба неправы. Если полагать, что Мадьяры были наѣздниками у себя въ первоначальномъ жилищѣ, т. е. въ Біарміи, то Гунфальви неправъ. Если думать, что они сдѣлались наѣздниками въ Лебедю, то Куникъ неправъ; если же думать, что сдѣлались они наѣздниками въ Балкиріи, то оба правы, ибо это—та страна, изъ которой они вышли въ свое дальнее странствованіе на западъ, слѣдовательно ихъ домъ, но только второй, а не первый; но въ этомъ второмъ домѣ они сдѣлались наѣздниками безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ турецкихъ кочевыхъ племенъ, Башкиръ ли или другихъ какихъ—это все равно, но только непремѣнно здѣсь — подъ двойнымъ вліяніемъ: турецкихъ племенъ и топографическихъ условій мѣстности. Одно первое вліяніе очевидно недостаточно, ибо (стр. 179) и Чуваша — турецко-татарское племя, но не наѣздники и не кочевники (хотя, можетъ быть, прежде и были ими), ибо живутъ въ лѣсной странѣ.

Если Угры тутъ жили, какъ во второй своей родицѣ, то перенестись на третью, въ Лебедю, было ужъ имъ не трудно. Они шли со скотомъ своимъ степною дорогою, столь же легкою, удобною для нихъ, какъ впоследствии и Калмыкамъ ихъ путь съ Волги въ Китайскія владѣнія. Шли они черезъ Самарскую губернію, переправились черезъ Волгу, съ разрѣшенія Хозаръ, гдѣ-нибудь у Саратова (немного выше или ниже, — вѣроятно же первое, только непремѣнно тамъ, гдѣ уже кончился дѣсъ и началась степь), переправились изъ-за Дона въ Землю Войска Донскаго, т. е. гдѣ выпадаютъ въ нее Хоперь и Медвѣдина, а тутъ уже и были въ Лебедю. Мнѣ кажется даже, что кромѣ причинъ вышеприведенныхъ (невозможность пропитанія и перехода къ кочевой жизни безъ обладанія скотомъ) при другомъ пути для Мадьяръ нельзя объяснить приведенное вами, на стр. 190, мѣсто изъ Конст. Багр. объ общихъ отношеніяхъ Мадьяръ къ Печенѣгамъ: „Турки сильно боятся Печенѣговъ вслѣдствіе того, что бывали часто побѣждены ими и чуть не истреблены окончательно“. Гдѣ же это могло быть? Вѣроятно именно на пути въ Лебедю, т. е. въ степяхъ Самар-

ской губернии. И вы (стр. 190) говорите, объясняя выходъ Мадьяръ въ ихъ западное странствованіе: „очень можетъ быть, что непосредственными утѣснителями Мадьяръ были уже тогда Печенѣги, кочевавшіе въ степяхъ между Волгой и Яикомъ“. Но едва ли Печенѣги заходили за Башкирію, а на пути ихъ изъ Башкиріи въ Лебедію легко могли они ихъ утѣснить и тѣмъ заставить просить у Хозарь дозволенія пройти черезъ ихъ землю и сдѣлаться ихъ союзниками противъ общихъ враговъ. Но какъ бы тамъ ни было, другого пути въ южную Россію, какъ степями Самарской губ. и Землей В. Д., имъ не было. Онъ все объясняетъ просто и естественно; зачѣмъ же прибѣгать къ невозможному лѣсному пути, когда ничто, никакое свидѣтельство къ тому не принуждаетъ, когда, если принять степной путь, ихъ кочевничество и наѣздничество въ Лебедіи объясняется само собою, а при другомъ пути рѣшительно объяснено быть не можетъ.

Но что же такое *Лебедія*? По вашему мнѣнію (стр. 280), это— страна между Дономъ и Днѣпромъ (приблизительно въ губ. Воронежской, Харьковской, Курской). Между Дономъ и Днѣпромъ безъ сомнѣнія, но тамъ ли, а не южнѣ ли, въ южной части З. Войска Донского, губерніи Таврической (внѣ Крыма), Екатеринославской и только самыхъ южныхъ частяхъ губерній Воронежской, Харьковской и Полтавской? Почему? Потому что номады въ лѣсной странѣ жить не могутъ, а не номады (каковыми были бы Угры, если бъ шли по предположенному вами лѣсному пути), живя въ лѣсной странѣ, никогда номадами бы не сдѣлались. Курская губернія вся—лѣсная, не теперь конечно, а тогда, а теперь перестала быть лѣсной потому, что лѣса вырублены густымъ населеніемъ для обращенія ихъ въ хлѣбныя поля, а не потому что искони въ ней лѣсу не росло, а была степь. (Вообще замѣчу здѣсь, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто бы южная Россія есть степь потому, что климатическія причины мѣшаютъ здѣсь росту лѣса — если бы это было такъ, то и искусственные лѣса здѣсь не могли бы разводиться — безъ орошенія по крайней мѣрѣ, а между тѣмъ отлично разводятся самыми простыми способами). Вся сѣверная часть Харьковской губерніи также лѣсная (т. е. была прежде). Я самъ видѣлъ еще большіе лѣса около Ахтырки, а около Харькова и теперь есть остатки лѣсовъ, которые видны, если подъѣзжать къ этому городу съ юга — прежней почтовой дорогой. Что касается до Воронежской, то названіе рѣки *Лѣсной Воронежъ* и кораблестроеніе при Петрѣ В. показываетъ, что сѣверная часть ея была не-

давно лѣсной страной, а я могу вамъ засвидѣтельствовать, что у Острогожска, слѣдовательно уже въ южной половинѣ губерніи, въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія были такіе дубовые лѣса, что весной жители перегоняли свиней черезъ Донъ (т. е. на восточную сторону его). Онѣ тамъ за лѣто плодились, питааясь желудями, а по морозамъ возвращались домой—каждая свинья со своимъ приплодомъ. Для различенія ихъ каждый дѣлалъ своимъ свиньямъ тавръ ¹⁾. Это мнѣ рассказывалъ одинъ 90-лѣтній старикъ, умершій въ 40-хъ годахъ, который въ своей молодости спасался тамъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, какъ въ странѣ, для полиціи недоступной. Но если сѣверныя части этихъ губерній были лѣсными, то созвучіе между Лебедіей, Лебедяню и Лебединомъ Тамбовской и Харьковской губ. ни къ чему служить не можетъ. Можетъ быть только одно: что въ мѣстностяхъ, названныхъ Лебедяню и Лебединомъ, существовали мѣстные и исключительно тѣ самые признаки, которые заставили назвать цѣлую страну Лебедіей. Т. е. не тамъ была Лебедія, гдѣ теперь Лебедянь и Лебединъ, а мѣстности Лебедяни и Лебедина могли представлять тѣ особенности, тѣ характерныя ризнаки, когорые приличествовали странѣ Лебедіи.

Что же это могло быть? Прежде всего приходитъ въ голову слово *лебедь*. И еслибы гдѣ нибудь въ южной Россіи вообще или около Лебедяни и Лебедина были обширныя озера, на которыхъ въ изобиліи водились бы лебеди, то это и можно бы было признать, ибо лебедь птица характерная, по которой стоило бы назвать страну. Но ничего подобнаго нѣтъ. Если угодно—можно сдѣлать слѣдующую натяжку. Принять, что Славяне слышали объ изобиліи другой птицы, сходной съ лебедью цвѣтомъ и величиной на Азовскомъ морѣ, и по описаніямъ принимая эту птицу за лебедь, называли Лебедіей страну, омываемую Азовскимъ моремъ. Птица эта великанъ, которой на Азовскомъ морѣ страшное множество (а на Черномъ нѣтъ). Но, какъ и говорю, это натяжка. Но есть другое слово, которое можно бы принять за корень слова Лебедія. Это трава *лебеда*. Но какъ же произвести названіе южнорусскихъ степей отъ лебеди? Дѣло возможное. Вы знаете конечно пословицу: „Еще не бѣда, когда въ огородѣ растетъ лебеда, а бѣда, когда не растетъ ни хлѣбъ, ни лебеда“ ²⁾. Не знаю таковъ

¹⁾ Клеймо, значекъ.

²⁾ У *Далъ* (Толкол. сл.): „Не то бѣда, что во ржи лебеда; а то бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды“.

ли текстъ, но таковъ смыслъ. И въ этомъ смыслѣ можно бы пожалуй придать слову *лебеда*—смыслъ травы вообще, по крайней мѣрѣ большой, крупной, такой, которая растетъ на мѣстахъ вспаханныхъ, удобренныхъ и въ такомъ случаѣ можно бы разумѣть подъ Лебедіей страну съ высокою травою, т. е. именно степь. Но можно привести Лебедію и въ гораздо болѣе близкую связь съ настоящимъ смысломъ слова лебеда. Давно я замѣтилъ, что ежели у насъ, въ Крыму, выкопать большую глубокую яму для посадки деревьевъ, то эта глубоко взрыхленная почва (аршина на 1^{1/2}) зарастаетъ въ первый же годъ именно лебедой (*atriplex*), а также и другимъ растеніемъ, весьма близкимъ и по систематическому сродству и по наружному виду съ лебедой—именно *chenopodium*, которое въ книгахъ переводится словомъ *марь*, но которую народъ—не слишкомъ строгій ботаникъ—также всегда называетъ лебедой. Въ прошломъ году всѣ мои и сосѣдніе виноградники были глубоко перекопаны изъ-за филлоксеры, и такимъ образомъ вспапанную землю (на 1^{1/2} аршина глубины) оставили въ пустѣ, и все, что было выкопано до начала лѣтнихъ жаровъ и засухъ, поросло высокою, въ ростъ человека лебедой. Теперь перенесемъ въ степь: на ней мирными памятниками прошедшаго стоятъ курганы, но тогда, въ IX и прежнихъ столѣтіяхъ, эти курганы непрестанно тамъ возникали вновь. Это были холмы насыпной земли, да и вокругъ нихъ земля вскапывалась для произведенія насина,—все это слѣдовательно заростало лебедой и травой, которая долго сохраняетъ до осени свой зеленый цвѣтъ (листья ея вѣсколько жирны и темны), когда кругомъ вся степь уже съ начала іюня высыхаетъ. И такъ тѣ предметы, которые въ степи только оди и бросаются въ глаза, должны и останавливать на себѣ взоръ,—курганы представлялись поросшими высокою зеленою травою, когда все кругомъ пожелтѣло, побурѣло и засохло. Удивительно ли, что по этому выдающемуся предмету и вся степь названа была Сланинами—страною лебеды, чему историки придали свое окончаніе, и вышла *Лебедін*.

Итакъ Лебедін это—степь, слѣдовательно пѣтъ никакой надобности иогмщать ее въ окрестности Лебедяни и Лебедина въ губернію Курскую и въ сѣверную часть Харьковской и Воронежской, а прямо въ Таврическую, Екатеринославскую и южную часть губерній Воронежской, Харьковской и Полтавской, т. е. въ ту самую страну, въ которой и всегда жили кочевники, преемственно изгоняшіе другъ друга, откуда и Мадьяръ выгнали Печенѣги и за-

ставили переселиться въ другую часть той же степи, въ Заднѣпровскій „Ателькузу“; а изъ Курской губерніи, Воронежской и Харьковской (сѣверн. части этихъ послѣднихъ) захѣмъ бы имъ было ихъ и выгонять, а еслибъ и выгнали, то Мадырамаъ дѣйствительно пришлось бы идти, какъ думалъ Несторъ, черезъ Карпаты, мимо Кіева—всѣмъ народомъ, а не одной какой либо шайкой. Теперь еще о рѣкѣ Хггголобъ. Вы думаете, что это Ингуль или Ингулецъ. Весьма вѣроятно, но захѣмъ прибавляете, что по Ингулу Угры въ первое время не жили, а развѣ только отрядъ ихъ какой туда заходилъ. Но почему же, почему было имъ тоже не кочевать и тутъ: вѣдь переходить черезъ рѣки большого затрудненія для нихъ не представляло. Это они дѣлали при помощи бурдюковъ, т. е. надутыхъ, какъ пузыри, бычачьихъ или лошадиныхъ кожъ (а не лодокъ, — вѣроятно и въ Венеціи они на такихъ же бурдюкахъ переправлялись, а западные писатели приняли эту необычную имъ штуку за лодки), какъ и теперь еще черезъ Куру переправляются, какъ и теперь спасаются на морѣ уральскіе казаки, когда ледъ, на которомъ они ловятъ рыбу, разнесетъ, и льдина, ихъ носящая, начинаетъ подъ ними таять: они убиваютъ тогда лошадь, надуваютъ кожу бурдюкомъ и прикрѣпляютъ къ нему сами. Итакъ, отрицательные мои выводы относительно возможности для Угровъ перебраться изъ ихъ родины въ Лебедію лѣснымъ путемъ я уже перечислилъ. Положительные будутъ:

1) Переселеніе производилось въ два темпа: въ первый разъ медленно, постепенно въ теченіе сколькихъ угодно столѣтій Вогуло-остяцкія Угорскія племена переселились изъ Віарміи въ Башкирію. Обашкирившись и образомъ жизни и отчасти языкомъ подъ вліяніемъ топографическихъ условій мѣстности и тутъ же кочевавшихъ турецкихъ племенъ, они пустились во вторичное странствованіе.

2) Это вторичное странствованіе произошло скоро по Самарской губерніи изъ Уфимской и Оренбургской, съ лошадьми и другимъ скотомъ.

3) Если изъ Башкиріи ихъ не выгнали, то по пути преслѣдовали и гнѣсли ихъ Печенѣги.

4) Съ дозволенія Хозарь переправились они черезъ Волгу, приблизительно около Саратова и черезъ Донъ въ мѣстности, гдѣ впадаютъ въ него Медвѣдица и Хоперь, и прямо попали въ Лебедію.

5) Лебедія не иное что, какъ Черноморская степь между До-

номъ и Двѣиромъ и частью за Двѣиромъ у Ингула, а никакъ не въ Курской губерніи и не въ сѣверныхъ частяхъ губ. Харьковской и Воронежской.

б) Въ Лебедію они прибыли уже настоящими кочевниками и навадиками съ лошадьми и другими стадами.

Вотъ, кажется мнѣ, что необходимо принять, дабы не впасть въ непреоборимыя трудности. Теперь еще только два отдѣльных замѣчанія. Вы говорите на стр. 213: „Въ продолженіе своего пути Мадыяры, по всей вѣроятности, вѣскольکو разъ останавливались на болѣе значительное время. Такъ есть основаніе думать, что подобной стоянкой была мѣстность на Окѣ въ нынѣшней Калужской губерніи. На это предположеніе наводитъ насъ рѣка Ура“... А затѣмъ сейчасъ же говорите (стр. 214): „Перейдя съ Оки (вѣроятнѣе всего р. Упою) на Донъ“, и проч. Но вѣдь выше вы считали, что средній путь въ Віармію лежитъ на Прони, затѣмъ же было Мадыярамъ на Угру и Учу забираться, даже еслибъ они лѣсомъ шли, вѣдь это крюкъ большой. Но такъ какъ они лѣсомъ никакъ идти не могли, то Угру приходится бросить; вѣдь вы бросаете кавказскіе *Маджары*, какъ случайное созвучіе, почему же не бросить и Угру? Но въ замѣнъ Угры, можетъ быть, прикумскіе Маджары и не надобно бросать. А привести эту мѣстность въ связь съ Мадыярами очень легко, если принять, что они шли степнымъ, а не лѣснымъ путемъ. Печенѣги, напавшіе на нихъ и гнавшіе ихъ, могли раздѣлить ихъ орду, и между тѣмъ какъ большая половина побѣжала далѣе на юго-западъ, другая меньшая могла быть принуждена броситься на востъ и, постепенно удаляясь, достигнуть Кумы и дать свое имя одному изъ тамошнихъ урочищъ. Нѣчто въ родѣ этого и рассказываетъ Константинъ Багрянородный: что, будучи побѣждены Печенѣгами, Мадыяры частью удалились въ Персію, т. е. по дорогѣ въ Персію (если угодно, то съ Кумы могли по Каспійскому берегу и въ Персію пробраться). Правда, Константинъ Багрянородный относитъ это происшествіе и раздѣленіе Угровъ по видимому ко времени перехода ихъ изъ Лебедіи въ Ательгузу. Но развѣ въ такихъ исторіяхъ можно требовать хронологически-строгого порядка? Вѣдь все это онъ писалъ не по документамъ, а по слухамъ и рассказамъ, и тутъ все перепутывается и въ рассказѣ рассказчика и еще болѣе въ умѣ слушателя. Попробуйте теперь послушать отъ очевидцевъ рассказы, ну хоть о Севастопольской войнѣ (я разумѣю рассказы простыхъ людей, да даже и не простыхъ): хронологія и порядоки происшествій перепутаны,—довольно

того, если сами факты рассказаны, а порядокъ фактовъ—это послѣднее дѣло. Одно происшествіе приурочивается къ другому совершенно въ иной связи, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ почему не принять рассказа и въ томъ хронологическомъ порядкѣ, какъ у Константина Багрянороднаго; часть могла быть отброшена за Донъ и попасть на кочевья въ Ставропольскую губернію, и дать названіе нѣкоторому урочищу, гдѣ почему-либо долго стояли *Маджары*.

Отвѣтныя замѣчанія К. Я. Грота.

Я думаю, что каждый, прочтя помѣщенный здѣсь выдержки изъ письма Н. Я. Данилевскаго, отънѣтитъ ихъ большой интересъ и научное значеніе. Взглядъ, высказанный почтеннымъ ученымъ по вопросу о движеніи Мадьяръ изъ первоначальной родины по южнымъ степямъ Россіи, заслуживаетъ полнаго вниманія исследователей историковъ. Нельзя не согласиться, что намѣченный ими путь Мадьяръ изъ ихъ прародины (Віарміи) на югъ въ Башкирію, т. е. въ губернію Уфимскую и Оренбургскую (гдѣ они обратились въ кочевниковъ) а отсюда по Самарской и черезъ Волгу (около Саратова) на Донъ въ Область Войска Донскаго, и наконецъ, черезъ Донъ (гдѣ впадаютъ въ него Медвѣдица и Хоперь)—въ „Лебедію“ правдоподобенъ и не можетъ вызвать серьезныхъ возраженій противъ себя, кромѣ развѣ отсутствія прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Аргументація Н. Я. Данилевскаго, основанная на его специальныхъ познаніяхъ географическихъ и естественно-историческихъ, вмѣстѣ съ остроумнымъ опроверженіемъ нашего мнѣнія о направленіи пути Мадьяръ, отличается такою логичностью и послѣдовательностью, что невольно увлекаетъ читателя...

Все это я признаю вполне, равно какъ и справедливость многихъ предположеній и замѣчаній Н. Я., вызванныхъ критикою моихъ мнѣній (напримѣръ, въ особенности по вопросу о мѣстоположеніи „Лебедіи“ и ея названіи). Тѣмъ не менѣе я все-таки не могу считать, что вопросъ о переселеніи Мадьяръ уже окончательно рѣшенъ и исчерпанъ моимъ критикомъ, и не могу еще вполне отказаться отъ высказаннаго мною взгляда на это переселеніе, совершившееся, по моему представленію, среднею полосой Россіи, по рѣкамъ: Волгѣ и Окѣ вверхъ, ея притоками и переваломъ на Донъ,—и это по нижеслѣдующимъ причинамъ. Позволяю себѣ представить здѣсь нѣсколько возраженій на доводы Н. Я., хотя

конечно по многимъ вопросамъ, имъ затронутымъ, не могу считать себя достаточно компетентнымъ; руководствуясь впрочемъ французскимъ изреченіемъ „du choc des opinions jaillit la vérité“. Во 1) Н. Я. Данилевскій, говоря о невозможности Мадьярамъ пропитаться, еслибъ они шли по рѣкамъ, замѣчаетъ, что ихъ не могло быть мало, и на основаніи свидѣтельства Ибизъ-Дасти о 20,000 всадникахъ исчисляетъ приблизительно ихъ массу вмѣстѣ съ семействами въ 80,000—100,000 человекъ. Намъ кажется, Н. Я. сильно преувеличиваетъ численность переселенцевъ. Угровъ потуреченныхъ (или „обашкирившихся“ по его выраженію), т. е. обратившихся въ номадовъ и наѣздниковъ, не могло быть особенно много, какъ и вообще орды степныхъ кочевниковъ никогда не были многочисленны. Къ тому же еще большой вопросъ, сопровождали ли этихъ выселившихся Мадьяръ *все* ихъ семейства. Часто кочевники, покидая родину, оставляли массу женъ и дѣтей дома, чтобъ не стѣснять себя, какъ это сдѣлали тѣ же Мадьяры позднѣе въ Ателькузу. Опустошая земли и покоряя ихъ населеніе, они брали себѣ и новыхъ женъ изъ среды покоренныхъ туземцевъ, въ настоящемъ случаѣ—по преимуществу Славянъ, и вотъ, вѣроятно, причина, почему славянское влияніе такъ рано и такъ сильно отразилось на домашнемъ бытѣ Мадьяръ, ихъ культурѣ и наконецъ языкѣ; а если съ Мадьярами при переселеніи въ Лебедію большинства семействъ не было, то число ихъ никакъ не могло превышать 3—4-хъ десятковъ тысячъ.

2) Н. Я. представляетъ себѣ массу переселенцевъ „не разбѣиныхъ по огромному пространству, а идущихъ болѣе или менѣе *скупенно*, и слѣдовательно производящихъ шумъ и гвалтъ и расшугивающихъ этимъ самымъ дичь“. Не знаю, но мнѣ представляется дѣло иначе; едва-ли Мадьяры, эти полудикіе и конечно недисциплинированные наѣзники двигались скупенно подобно войску. Намъ кажется, ихъ ордѣ естественнѣе было идти въ разсыпную, разбредаясь за добычей по лѣсамъ, а потому они занимали довольно большія пространства и могли находить достаточно пищи (дичи и рыбы).

3) Что касается самой пищи, то едва-ли птицы составляли главную достававшуюся имъ дичь. Не говоря уже о томъ, что могли быть въ лѣсахъ той полосы въ то время и зубры, надо имѣть въ виду еще другой родъ дичи, который по всей вѣроятности въ изобиліи водился тогда въ лѣсахъ Поволжья и Поочья. Я разумѣю оленей. Н. Я. признаетъ этихъ животныхъ существеннымъ пропитаніемъ Угровъ въ ихъ прародинѣ; но это предположеніе слѣдуетъ кажется рас-

пространить и па время движенія Мадьяръ по теченію Волги и отчасти Оки. На родинѣ они были оленеводами, а на пути олени могли быть ихъ главной добычей на охотѣ.

4) Н. Я., какъ отличный знатокъ рыбнаго промысла и рыболовства въ Россіи, доказываетъ, что существуетъ преувеличенное понятіе о количествѣ рыбы въ рѣкахъ, столь отдаленныхъ отъ устьевъ, какъ средняя Волга, Ока и ихъ притоки, и что рыбой масса Угровъ, идя по рѣкамъ, не прокормилась бы. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но во-первыхъ, при существованіи въ коридорномъ количествѣ другой пищи (о чемъ я говорилъ выше), рыба могла служить только подспорьемъ и на столько-то ей хватало, а во-вторыхъ можно ли по состоянію рѣкъ относительно количества въ нихъ рыбы въ наше время судить о ихъ состояніи 1000 лѣтъ тому назадъ? Надо же имѣть въ виду тотъ громадный ущербъ, который нанесенъ рыбному населенію рѣкъ развитіемъ судоходства!

5) Одно изъ главныхъ возраженій Н. Я. Данилевскаго противъ направленія пути Мадьяръ вдоль рѣкъ (Волги и Оки) заключается въ томъ, что препятствіемъ такому движенію были *дремучіе лѣса*, покрывавшіе все то пространство, гдѣ должны были двигаться переселенцы, такъ что и „берега рѣкъ силою до воды заросли лѣсомъ“, и слѣдовательно были непроходимы. Но такое представленіе о берегахъ, совершенно заросшихъ лѣсомъ, мнѣ кажется, основано также болѣе на современныхъ наблюденіяхъ, и едва-ли примѣнимо въ древнѣйшему времени. Такія рѣки, какъ Кама и Ока и даже болѣе значительные притоки послѣдней, бывъ въ ту отдаленную эпоху несравненно шире и многоводнѣе, чѣмъ нынѣ, не могли терпѣть на большихъ протяженіяхъ по берегамъ своимъ, въ особенности по обоямъ, лѣса и притомъ густаго, ибо несомнѣнно росту его мѣшали съ одной стороны постоянные разливы, съ другой — частыя измѣненія русла. Поэтому путь по берегамъ такихъ рѣкъ не могъ быть особенно затруднителенъ, и даже конные Мадьяры, по моему мнѣнію, могли слѣдовать безпрепятственно по крайней мѣрѣ по одному изъ береговъ рѣки Оки ⁴⁾.

Итакъ вопросъ о пути Мадьяръ изъ прародины я еще не считаю вполне исчерпаннымъ, въ вопросѣ же о мѣстоположеніи „Лебедін“ я готовъ вполне принять поправку Н. Я. Данилевскаго, помѣ-

⁴⁾ Имъ конечно приходилось иногда переправляться съ одного берега на другой, но вообще для вомадожъ такія переправы были дѣломъ обыкновеннымъ, и по всей вѣроятности они имѣли всегда при себѣ и средства къ тому, о чемъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ и Н. Я.

щающаго ее южняе, чѣмъ она намѣчена у мени. При этомъ отовариваюсь однако, что существованіе лѣсовъ въ древности въ той полосѣ, о которой идетъ рѣчь, кажется мнѣ всетаки довольно сомнительнымъ и послѣ доводовъ моего критика, столцаго за таковое.

Предложенное Н. Я. остроумное объясненіе имени Лебедіи происхожденіемъ отъ травы *лебеды*—весьма заманчиво и по моему правдоподобно. Его можно допустить тѣмъ скорѣе, что слово *лебеда*, какъ славянское названіе травы, съ которой очевидно Угры познакомились очень рано, перешло и въ мадьярскій языкъ: *laboda* означаетъ родственной лебедѣ видъ травы—дикій пшпнать¹⁾. Но этимъ объясненіемъ Н. Я. очевидно подрываетъ только-что упомянутое свое мнѣніе объ исконномъ существованіи лѣсовъ въ южной Руси, ибо по его собственнымъ словамъ мѣстности, въ которыхъ находимъ названія Лебедянь и Лебединь, должны были обладать тѣми-же признаками, что и болѣе южная Лебедя, т. е. признаками настоящей степи (островъ Лебеды), а не лѣса. Этими я закапчиваю свои немногія замѣчанія. Предлагая ихъ вниманію читателя на ряду съ остроумными и въ высшей степени интересными мыслями и соображеніями моего глубокочтимаго критика, и льщу себя надеждой вызвать такимъ образомъ для всесторонняго и болѣе подробнаго обсужденія и рѣшенія даннаго безспорно крайне любопытнаго вопроса какъ опять того же ученаго критика, такъ можетъ быть и другихъ, болѣе меня компетентныхъ въ затронутыхъ спеціальныхъ сторонахъ предмета судій.

¹⁾ Это послѣднее растеніе (мад. *laboda*) принадлежитъ въ роду *Chepodium*, съ которыми въ близкомъ родствѣ и лебеда (*Atriplex*, малор. *лобода*) и къ которому принадлежитъ сходная съ ней *марь*, скывущая въ народѣ, по словамъ Н. Я. Данилевскаго, также подъ именемъ лебеды. Собственно для лебеды у Мадьяръ есть другое названіе—*libator*, слово сложное (перев. нѣм. *Gänsefuß*), ничего общаго съ лебедою не имѣющее.